

The background of the entire page is a dark, atmospheric illustration. It depicts a person from behind, wearing a dark hoodie and pants, standing in the center of a desolate, ruined city street. The street is flanked by tall, dark buildings that appear to be in various states of decay and destruction. Some windows are missing, and debris is scattered on the ground. The sky is filled with heavy, dark clouds, creating a gloomy and oppressive atmosphere. The overall color palette is very dark, with shades of black, grey, and muted blue.

Го Син

Медиум Пустоты и Анатомия Алчности 2

18+

Го Син
Медиум Пустоты и
Анатомия Алчности 2
Серия «Семь Смертных
Грехов.», книга 2

*<https://litres.ru/74514962>
SelfPub; 2026*

Аннотация

- Люди не центр вселенной.
- Серая мораль.
- Политика и мистический детектив.
- Социальная драма.
- Природа семи смертных грехов в человеке.
- истории нескольких персонажей, огромный мир, нелинейный сюжет.

Тьма и Хаос решают судьбу мира. Здесь правит Алчность, а Добродетель стала инструментом наживы.

Герой не ищет спасения — он ищет точку, где система перестанет его ломать. Его путь лежит через разорённые земли, храмымогилы и дворцовые интриги, где верность — обман, а предательство — валюта.

Это анатомия мира, где зло стало нормой, а спасение — иллюзией.

Содержание

92. Свадьба: Сердце дракона.	5
93. Цена ошибки родителей: жизни детей.	18
94. Слепой Пророк: дорога пепла.	29
95. Матка на скотобойне.	42
96. Кровь Мары.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Го Син

Медиум Пустоты и Анатомия Алчности 2

92. Свадьба: Сердце дракона.

Святылище Богини Дивии во Дворце Таранис было переполнено, и в этом многолюдстве чувствовалась не радость, а напряжение, которое всегда приходит перед бурей.

Старейшины всех кланов сидели на длинных скамьях вдоль стен, и их лица были суровы, словно они собрались не на свадьбу, а на суд, где каждому предстоит вынести свой приговор.

Крольм восседал в центре на троне из белого дуба, инкрустированном серебром, и его руки лежали на подлокотниках с такой тяжестью, что казалось, он держит на себе весь вес этого дня.

Рядом с ним сидела Сарена в чёрном шёлке, по которому скользили серебряные змеи, и на её тиаре горела Звезда Смерти. Она смотрела не на алтарь, а на делегацию, и в её взгляде читался холодный и безжалостный расчёт: она считала, оценивала и запоминала каждое лицо, каждое движе-

ние, каждое слово, которое ещё не было сказано.

Дираэль и Вельдаар стояли у колонн, и они не сели, не присоединились к старейшинам, не приняли предложенных мест, потому что для них это было бы унижением. Они просто наблюдали за тем, что должно принадлежать им по праву, что было отнято, украдено и удержано чужими руками.

Вельдаар улыбался, и в его улыбке была искренняя, почти детская радость охотника, который наконец загнал зверя в угол. Дираэль не улыбалась, её лицо было камнем, а глаза были колодцами, в которых давно не осталось воды, только тьма и глубина, и от этого взгляда даже старейшины отводили глаза.

Жрица богини Дивии вышла вперёд, старая и сухая, с посохом из лунного камня в костлявых пальцах, и она говорила тихо, но её голос разносился по залу, как звенит колокол в пустой церкви, когда в ней не осталось ни души, ни надежды.

— В свете звёзд и Луны, перед ликом богини Дивии, мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать союз, созданный небесами.

Она подняла посох, и камень на его конце вспыхнул серебристым светом, который разлился по залу, коснулся лиц, камней и рук, и на мгновение всё замерло, и сам мир затаил дыхание.

— Единожды выбрав свой свет, нельзя делить его более ни с кем.

Пауза повисла в воздухе, тяжёлая и густая, и в этой тиши-

не было слышно, как бьётся сердце, как течёт кровь и как трещит воск в свечах.

— Таков закон Святилища Чистоты.

Жрица посмотрела на Прасковью, потом на Соласа, и в её взгляде не было ни тепла, ни осуждения, только знание того, что слова, которые она произнесла, имеют вес, который не всем дано выдержать.

— Если нарушите клятву, богиня отвернётся от вас.

Прасковья стояла прямо, и её мускулистое тело, закалённое годами тренировок, было напряжено, как тетива перед выстрелом. На ней было простое белое платье без кружев и украшений, потому что она не хотела пышности, не хотела блеска, она хотела только его и этот момент, который должна была запомнить навсегда.

Солас стоял напротив, его голубые волосы падали на лоб, а золотые глаза блестели, как блестит солнце на поверхности воды в ясный день. Он смотрел только на неё. В зале для него не было ни старейшин, ни фей, ни Сарены с её Звездой Смерти, ни Крольма с его тяжёлым взглядом.

Она сняла с шеи амулет Лунного Света, серебряный диск с лунным камнем, тот самый, что дал ей Остин, тот самый, что защищал её в бою и в пути, и надела его на шею Соласа. Её пальцы на мгновение задержались на его коже, и это прикосновение было теплее любых слов.

— Носи и помни.

Солас улыбнулся, и в этой улыбке была слабость, вина и

знание чего-то, чего она ещё не знала, но что уже стояло между ними тенью. Он снял свой амулет, такой же серебряный полумесяц, и надел его на шею Прасковьи, и его руки не дрожали, хотя должны были.

— Помню. Всегда.

Жрица подняла руки к небу, и её голос прозвучал с новой силой, и она обращалась не к людям, а к самим богам.

— Поклон земле-матери.

Они поклонились низко, до пола, и их лбы коснулись холодных каменных плит.

— Поклон отцу-небу.

Они подняли головы и посмотрели вверх, туда, где сквозь витражи пробивался свет, разбиваясь на тысячи цветных лучей.

— Поклон предкам.

Они повернулись к статуям Тиадальмы и Брана, каменным изваяниям с каменными лицами и каменным молчанием, и Прасковья почувствовала, как что-то дрогнуло в её груди, не боль и не страх, а что-то древнее, кровь предков отозвалась на зов, на мгновение, на удар сердца.

После церемонии они отправились в святилище, в подземный храм, который находился глубоко под дворцом, куда не проникал дневной свет. Они спускались по винтовой лестнице, и с каждым шагом воздух становился тяжелее, гуще и холоднее. Факелы на стенах горели синим мёртвым ог-

нём, который не давал тепла, только освещал, и от этого тьма вокруг становилась ещё гуще, ещё плотнее, и они спускались не в храм, а в могилу.

Храм был круглым, со стенами из чёрного камня, и в центре стоял алтарь, а на алтаре — чаша, каменная, старая, покрытая рунами, которые стёрлись от времени, но всё ещё хранили память о том, что было. В чаше была кровь, белая, как молоко, как мел, как первый снег, и это была кровь предка Тиадальмы, Титана, основавшего клан Таранис.

Жрица остановилась у входа и не вошла.

— Только вы двое. Я буду ждать наверху.

Прасковья посмотрела на Соласа, и он кивнул молча, и в этом кивке было больше слов, чем в любой речи. Они сели в позу медитации напротив друг друга и взяли за руки, и его пальцы были тёплыми, а её холодными, как всегда, они были созданы из разного вещества, из разных стихий, из разных миров.

Они закрыли глаза и начали впитывать.

Кровь Титана была не жидкостью, она была памятью, болью и силой, тысячами лет, тысячами смертей и тысячами рождений, и всё это было в одной капле, которая текла по рунам медленно, как смола.

Прасковья почувствовала, как внутри неё что-то ломается, не кость и не мышца, а что-то глубже, что-то, что было запечатано с рождения и теперь вырвалось на свободу. Белая кровь, чистый Хаос, наследие Титана.

Она не закричала и не заплакала, просто сжала руку Соласа крепче, и он ответил так же крепко, и в этом пожатии была вся их жизнь, всё, что они пережили, всё, что им ещё предстояло.

Медитация длилась всю ночь, и часы текли или не текли, время здесь не имело значения, только энергия, только руки, только дыхание и только тепло, которое перетекало из одного тела в другое.

На следующее утро первые лучи солнца не проникали сюда, но Прасковья почувствовала их, как тепло, как зов, как приглашение вернуться.

Она открыла глаза и увидела между ними яйцо, не каменное и не живое, а энергетическое, светящееся, переливающееся, воплощённый Ян и первородный Хаос, сплетённые в одну форму. Дракон и Титан. Она смотрела на него и понимала, что в этом яйце зарождается их дитя.

Она подняла руку и коснулась его, и яйцо было тёплым, как кожа, как дыхание, как жизнь, и от этого прикосновения что-то внутри неё отозвалось, она отдала часть себя, что-то важное, что уже нельзя было вернуть.

Она почувствовала слабость, не физическую, а глубокую, такую, которая идёт из самого сердца, из самой души, и тело перестало слушаться.

Она легла на каменный пол, не потому что хотела, а потому что не могла стоять. Солас подошёл и наклонился, прове-

ряя пульс и дыхание, и его руки не дрожали, потому что он знал, что это случится, знал с самого начала, с того момента, как согласился на этот брак, на этот ритуал, на эту жертву.

Он укрыл её одеялом, которое принёс с собой из дворца, потому что знал, что оно понадобится, и встал, и посмотрел на неё прощаясь. Потом наклонился и поцеловал в лоб, как брат, как отец, как тот, кто уходит навсегда и знает это.

Дракон развернулся и поднялся по ступеням.

Наверху Крольм и Сарена ждали у выхода из храма, и рядом с ними стояли Дираэль, Вельдаар и Аларон, и ещё двое ведунов в мантиях с посохами. Солас вышел на свет и зашщурился, как тот, кто слишком долго был под землёй и отвык от солнца.

Дираэль шагнула вперёд, и её огромная ладонь легла на его плечо, не грубо, но тяжело, как приговор.

— Дитя. Ты должен исполнить долг и спасти свою избранницу.

Солас посмотрел на неё, потом на Крольма, потом на Сарену, и никто не отвёл взгляда, никто не сказал ни слова.

— Я сделаю это.

Голос был ровным, без дрожи и без страха, он репетировал эту фразу всю ночь, пока она спала.

— Только обещайте, что Прасковья будет жива.

— Конечно, — Крольм кивнул быстро, слишком быстро.

Солас посмотрел на него, и в этом взгляде было всё, что он не сказал вслух.

— А теперь ступай за нами.

Вельдаар ликовал и не скрывал этого, он улыбался широко и искренне, как охотник, который наконец поймал зверя. Аларон подошёл и взял Соласа под руку, не грубо, но крепко.

— Теперь Солнце у нас.

Дираэль подняла руку, и её голос был ровным, без эмоций, как приказ.

— Наденьте на него мантию ведуна. Мы отправляемся немедленно.

Солас не сопротивлялся, не спорил, не просил, он просто стоял, пока на него надевали мантию, серую и грубую, с вышитыми рунами, пока давали в руку посох из чёрного дерева, тяжёлый и холодный. Он посмотрел на посох, потом на дверь, за которой осталась она, спала, не знала, не видела. Он не сказал ни слова.

Делегация покинула дворец Таранис. Феи не стали задерживаться, не стали прощаться, просто ушли через главные ворота, через площадь, через город, и люди смотрели на них из окон, из-за занавесок, из-за углов, молча, как смотрят на похороны, которые ещё не похороны, но уже не жизнь.

Колонна двинулась через поля, и пшеница уже поспела, тяжёлая и золотая, она шелестела под ветром, шептала что-то кому-то, никому. Они прошли через Рудный, мимо дома Эриана, мимо старого дуба, мимо клумб с пионами. Полдник видел их из окна, но не знал, что уводят дракона, которого продали Крольм и Сарена.

Солас шёл в середине колонны, в мантии ведуна, с посохом, с пустыми глазами, и он не оглядывался, не искал взглядом, не прощался. Он просто шёл.

Впереди был портал в Круге Камней, который уже гудел и ждал, открывался, как рана, как пасть, как дверь, за которой была Сокровенная Роща и конец.

Вельдаар шёл рядом с Дираэль и улыбался.

— Наконец-то. Солнце у нас.

Дираэль не ответила, она смотрела вперёд, на портал, на то, что ждало за ним, и в её глазах не было радости, только долг, только усталость, только что-то, что она не показывала никому.

Аларон крепче сжал руку Соласа, чтобы тот не убежал, хотя тот и не собирался.

— Не бойся, дитя. Ты нужен лесу. Ты нужен нам.

Солас посмотрел на него одним глазом, потом другим.

— Я знаю.

И больше ничего не сказал.

Колонна вошла в портал один за другим, и портал закрылся, и осталась тишина, только ветер, только пшеница, только пустая дорога, которая вела обратно в Свидлун, где спала Прасковья и не знала, что её мужа отдали феям в дар.

Свет был ослепительным, как вспышка, как удар, и Дираэль со спутниками вышли из портала. Мир Нави встретил их не тишиной, а дыханием, глубоким и медленным, сама земля дышала, и воздух был густым, пах хвоей, мхом, влагой и

чем-то древним. Дворец Лесного Союза вырос перед ними, не каменный и не построенный, а живой, из переплетённых стволов, из ветвей, из корней, он дышал и смотрел и ждал.

Соласа отвели к священному кругу в центре Сокровенной Рощи, туда, где камни помнили первое слово, первую кровь, первую жертву. Круг был выложен из валунов, покрытых мхом и рунами, которые светились тусклым синим светом, как вены под кожей, как жизнь под землёй. В центре стоял алтарь, плоский старый камень без резьбы и украшений, только гладкий камень, который пил кровь тысячи лет.

Соласа положили на алтарь, и он не сопротивлялся, не говорил, не смотрел, только дышал ровно и глубоко, спал и видел сон, где была Прасковья, где был дом, где осталась его любовь.

Дираэль вознесла руки, и её огромные ладони раскрылись, как крылья, как чаши, как приговор.

— Галлеан и Силана. Примите этот дар.

Голос был ровным, без дрожи, без слёз, без сожаления, она проводила древний ритуал, и в этом ритуале не было места для эмоций.

Феи и эльфы молчали, они стояли вокруг круга полукругом, как зрители, как свидетели великой жертвы, которую принесли дева и дракон. Ведуны воздели посохи, и чёрное дерево вспыхнуло голубым светом, и они начали петь без слов, низкими и гулкими звуками, как гром вдалеке, как земля, которая стонет.

Аларон подошёл, и в его руке был кинжал из чёрного обсидиана, чёрный, как ночь, и неотвратимый, как поступь рока. Он остановился у алтаря и посмотрел на Соласа в последний раз.

— Не бойся, дитя. Ты нужен лесу. Ты нужен нам.

Солас не ответил, только посмотрел, и в этом взгляде было прощание с жизнью, навсегда.

Аларон поднял кинжал и вонзил в грудь, прямо и точно, без колебаний, как опытный мясник, который проделывал это сотни раз. Солас не закричал и не дёрнулся, только медленно выдохнул, и из него уходила жизнь.

Аларон опустил руку, и в его пальцах был кристалл, Сердце Дракона, маленькое солнце, которое светилось и пульсировало эссенцией жизни.

— Солнечный Камень у нас, моя королева.

Кровь Соласа стекала по алтарю струйками, как жидкое золото, как расплавленный металл, она не сворачивалась и не темнела, а светилась и стекала в землю, в камни, в корни, в Навь. Свет жизни в глазах юноши угас, наступил его закат.

После ритуала процессия двинулась по Сокровенной Роще, через лес, через чащу, через тишину, которая стала гуще и плотнее, и сама роща оплакивала жертву дракона, последние мгновения жизни и смерти.

В клане Волка их встретили Фенрис и Мира, волки с глазами, которые видели слишком много, с руками, которые устали убивать. Мира стояла впереди, её волосы были запле-

тены в косу, на плечах лежал мех, и она низко поклонилась, как велел обычай, как велел долг.

— Ведите нас к Шаману.

Аларон говорил негромко, но его голос разнёсся как приказ, как воля Лесного Союза. Мира выпрямилась и посмотрела на Аларона, на кристалл в руках друида, и только кивнула.

— Как прикажете, Верховный Друид Аларон. Он ожидает вас.

Дарлок ждал у озера, он не двигался и не говорил, только смотрел на воду, на камни, на небо. Он подошёл без слов, взял из рук друида сияющий шар, Сердце Соласа, и отнёс его к озеру.

Вода была спокойной и глубокой, она отражала небо, она отражала память, тысячи лет, тысячи жизней, тысячи смертей. Дарлок опустился на колени медленно, как старик, который устал, который видел всё, который больше не хотел видеть, и коснулся кромки воды Сердцем Дракона.

Вода вспыхнула не ярко и не больно, а тепло, как рассвет, как улыбка, как прощение, и свет разлился по поверхности, потом глубже, потом в землю, в корни, в деревья.

— Озеро приняло дар. Гармония восстановлена.

Духовная энергия полилась из воды в воздух и в землю, и всё вокруг обновилось, деревья и бамбуковая роща мгновенно ожили, зелень стала ярче, земля напиталась эссенцией жизни Соласа. Аларон кивнул медленно.

— Да будет так.

Дарлок поднялся, и его колени хрустнули, как старые ветки, и он посмотрел на Аларона, как на старого друга, с благодарностью.

— Редкая удача — получить кровь Сефары.

— Это эгоизм людей привёл Дракона Солнечных Вод сюда.

Мира стояла в стороне рядом с Фенрисом и только смотрела на воду, которая светилась, которая жила.

93. Цена ошибки родителей: жизни детей.

Прасковья очнулась на каменном полу подземного храма. Первое, что она почувствовала, был холод, который пропитал её тело насквозь, и тяжесть в груди, которая не имела ничего общего с усталостью.

Она открыла глаза и увидела перед собой яйцо. Оно висело в воздухе, мерцая тёплым золотистым светом, и его сияние было единственным источником тепла в этой холодной комнате.

Она обняла его, прижала к себе, и яйцо отозвалось тихой пульсацией, которая отдалась в её ладонях. Прасковья улыбнулась, но улыбка тут же угасла, потому что рядом никого не было.

Солас исчез. Она посмотрела по сторонам, надеясь увидеть его фигуру в тени колонн или услышать шаги на винтовой лестнице. Ничего. Тишина. Только мертвенный синий свет факелов и запах сырого камня. Она закрыла глаза и попыталась нащупать ту нить, которая связывала их души. Нить была. Она всегда была. С того самого момента, когда они впервые коснулись друг друга. Но сейчас эта нить оборвалась. Не истончилась, не ослабла, а оборвалась, и конец

её висел в пустоте, не находя ответа.

Прасковья почувствовала, как внутри неё что-то сжалось в тугую комок. Она поднялась на ноги, и её тело, ещё мину-ту назад тяжёлое и непослушное, теперь двигалось с той хо-лодной точностью, которая приходит, когда боль становит-ся топливом. Она подняла яйцо на руки, и оно было тёп-лым, живым, оно пульсировало в такт её собственному серд-цу. Она прижала его к груди и пошла к ступеням.

Лестница казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался в висках глухим ударом. Она поднималась из подземелья на-верх, и с каждым пролётом воздух становился легче, но ды-шать было всё труднее.

Она вышла в коридор дворца и направилась к кабинету отца. Стража у дверей расступилась перед ней молча. Никто не посмел задать вопрос. Прасковья вошла без стука.

Крольм стоял у окна. Он обернулся. Владыка смотрел на дочь так, как смотрят на воина, который вернулся с поля боя. Он знал. Он ждал.

— Отец. Где мой муж?

Крольм выдержал паузу. Он смотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде была не вина, а та холодная уверенность, которая всегда пугала Прасковью больше любого гнева.

— Послушай, дочь. Он пожертвовал собой. Как когда-то твоя мать Тальдира. Ради спасения людей. Я лишь забочусь о народе. Дракон был всего лишь платой.

Прасковья стояла неподвижно. Яйцо в её руках пульсиро-

вало, и она чувствовала, как его тепло борется с тем холодом, который поднимался изнутри.

— Ты знаешь, отец, когда твоя мечта сбылась — закончилась моя жизнь. Из-за твоих эгоистичных желаний я потеряла саму себя. Ты убил мою мать. А теперь ещё и любовь всей моей жизни — Соласа.

Крольм шагнул вперёд. Его голос стал резче, и в нём зазвучала та самая сталь, которой он всегда прикрывал свою правоту.

— Я делал это ради тебя! Неблагодарная!

Прасковья не отступила. Она смотрела на него, и в её глазах не было слёз. Только пустота, которая медленно заполняла её изнутри, как вода заполняет тонущий корабль.

— Один медиум сказал мне, что ты лучше умрёшь, чем позволишь мне жить счастливой жизнью. Теперь я вижу, что он был прав. Ты продал честь за мнимы долг. Всё кончено. Прощай, отец.

Она развернулась и пошла к выходу. Владыка Крольм смотрел на свою дочь, на его лице не дрогнуло ни единого мускула – всё что я делал во благо Севера с горечью в голосе сказал правитель. Но эти слова небыли услышаны, так как Прасковья уже ушла. И теперь он понял, что она не просто ушла, а он потерял свою дочь уже навсегда.

Прасковья вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. В коридоре было тихо. Она шла мимо стражи, мимо слуг, мимо придворных, которые провожали её взглядами, но никто

не осмеливался заговорить.

Она вышла на площадь перед дворцом, и здесь, под открытым небом, что-то внутри неё окончательно сломалось. Не с треском, не с грохотом, а тихо, как ломается лёд на реке перед весенним паводком. Она почувствовала, как в груди разливается что-то новое. Не ярость. Не горе. Разрушительная боль и пустота. Тишина, которая медленно разъедает душу.

Она не знала, что это. Но она чувствовала, что это сила. Та самая сила Меча Сердца, которую она ощутила. Боль утраты разбитого сердца пробудила исток силы внутри девушки.

Прасковья обняла драконье яйцо и пошла прочь от дворца. Она не оглядывалась. Она знала, что должна найти Остина. Он единственный, кто мог ей помочь. Он единственный, кто видел будущее. Он единственный, кто её понимал.

Но на выходе из дворцового парка её остановил Мойша. Он стоял у ворот, и его лицо было бледным, а глаза — усталыми. Он выглядел старше, чем помнила Прасковья. Он выглядел человеком, который знает что-то, чего не хочет знать.

— Прасковья. Ты должна знать.

Она остановилась. Яйцо в её руках пульсировало, и она чувствовала, как его тепло борется с холодом, который поднимался изнутри.

— О чём ты?

Мойша шагнул ближе. Он говорил тихо, и в его голосе слышалась та осторожность, с которой говорят о вещах, ко-

которые могут разрушить всё.

— Моя бабушка и твой отец хотели убить Остина. Они сговорились. Я узнал слишком поздно. Теперь квартал клана Света разрушен. Много погибших. Остин исчез.

Прасковья смотрела на него, и в её глазах не было ничего, кроме той пустоты, которая уже не могла стать больше. Она держала яйцо, и оно было тёплым, и это тепло было единственным, что ещё связывало её с миром.

— Где он?

— Я не знаю. Но ты должна найти его. Покинь город. Здесь находиться больше нельзя.

Прасковья кивнула. Она не сказала спасибо. Она не сказала ничего. Она просто пошла вперёд, через площадь, через город, через улицы, которые ещё вчера были полны жизни, а теперь казались вымершими.

И в этой тишине, в этом холоде, в этой пустоте Прасковья несла своё дитя, которое ещё не родилось, и искала человека, который мог бы объяснить ей, почему мир рушится именно тогда, когда она наконец решила, что нашла своё счастье.

Мойша отправился во дворец клана Гундйай, и с каждым шагом по знакомым коридорам он чувствовал, как стены давят на плечи. Дворец остался прежним: тот же чёрный мрамор с прожилками красного, те же серебряные звёзды на гербах, та же тишина, которая всегда стояла здесь, тишина склепа, где даже эхо боится звучать.

Он шёл мимо портретов предков, и их каменные лица

проводжали его взглядами, в которых не было ни тепла, ни осуждения, только вечное молчание тех, кто уже давно перестал быть человеком.

Он вошёл в кабинет лидера клана без стука, потому что стучать было некому и незачем, и остановился перед массивным столом из чёрного дуба, за которым сидела его бабушка.

Сарена подняла на него глаза. Она выглядела старше, чем помнил Мойша. Не сединой, не морщинами, а той усталостью, которая проступает в костях, в осанке, в самой манере держать плечи. Она смотрела на внука так, как смотрят на поле боя после проигранного сражения, когда уже знаешь исход, но всё ещё надеешься, что кто-то придёт и скажет, что это ошибка, что ничего не было.

— Нет худших варваров, чем богачи, — произнёс Мойша, и его голос прозвучал ровно, без вызова, без страха. Он говорил это не ей. Он говорил это себе. Он повторял то, что понял за последние дни, и слова падали в тишину кабинета тяжело, как камни в воду. — И я осознаю это.

Сарена сжала подлокотник кресла, и её костяшки побелели. Она не встала. Она просто смотрела на него, и в её взгляде разгорался тот самый огонь, который когда-то заставлял дрожать целые армии.

— Миром правят монстры, — сказала она, и её голос зазвучал жёстко, как скрежет металла о камень. — Ты должен был стать таким монстром, что превзойдёт других. Ты должен был убить Остину. Но ты его отпустил. Скажи, зачем.

Мойша выдержал её взгляд. Он не отвёл глаз, не опустил голову, не сделал ни одного из тех движений, которые выдавали бы слабость. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его лице не было ни упрёка, ни ненависти, только усталость, которая ничем не уступала её собственной.

— Бабушка, ты не понимаешь. Монстром сделала меня ты!

— Это твой долг перед кланом! — она ударила ладонью по столу, и чернильница подпрыгнула, расплёскивая тёмные капли на пергаменты. — Твой долг, Мойша! Долг перед родом, перед именем, перед всем, что я строила всю свою жизнь!

— Нет, — он сказал это тихо, но так твёрдо, что даже воздух в кабинете стал другим. — Я не стану марионеткой в твоих руках.

Сарена медленно поднялась из кресла. Она выпрямилась во весь свой рост, и на мгновение перед Мойшей снова предстала та самая Железная Леди, которая держала Свидлун в кулаке пятьдесят лет. Она шагнула к нему, и её тень накрыла его фигуру целиком.

— Я тебе не позволю.

Мойша не отступил. Он стоял, и в его глазах не было ни страха, ни вызова. Только та самая пустота, которая приходит, когда человек уже принял решение и не намерен его менять.

— Если ты продолжишь, то я уйду. И ты больше не уви-

дишь меня никогда.

Он сказал это не как угрозу. Он сказал это как факт, который уже произошёл, просто ещё не был озвучен. Сарена замерла. Её рука, поднятая для удара, повисла в воздухе, а затем медленно опустилась. Она смотрела на внука, и что-то в её лице дрогнуло. Не страх. Не гнев. Что-то глубже.

— Люди боятся не мифических чудовищ, а собственных мыслей, — продолжил Мойша. — Тех, что тихо шепчут себе в одиночестве, пряча боль в собственной тьме.

Сарена опустилась обратно в кресло. Её плечи ссутулились, и в этом движении не было ничего от Железной Леди. Только женщина, которая слишком долго несла груз, который не должна была нести одна.

— Можно спрятаться за железной маской или закрыть глаза, — произнесла она тихо, и её голос больше не звучал как приказ. — Но невозможно спрятаться от себя. Волна переживаний вновь накрывает меня. Боль — это расплата за мой грех.

Мойша смотрел на неё. Он видел, как эта женщина, которая держала город в страхе, сейчас сидит перед ним и говорит о боли. Он никогда не слышал, чтобы она говорила о боли. Она всегда говорила о долге, о власти, о выгоде. Но не о боли.

— Смерть не только отнимает, — продолжила Сарена, и голос её стал ещё тише, почти шёпотом. — Боль утраты учит видеть самое главное. Ценить тех, кто рядом, и держаться

за то, что нельзя отпускать. Порой вблизи мелкое видится большим, и мы не замечаем самого важного. Я была настолько поглощена этими, как мне тогда казалось, большими проблемами, что оттолкнула своего сына мелочными придирками. Но боль утраты помогла мне это осознать. Как я ошибалась.

Она замолчала. В кабинете повисла тишина, густая и тяжёлая, и в этой тишине было слышно, как потрескивает воск в свечах и как тихо скрипит дерево под её пальцами.

— Бабушка, не плачь, — сказал Мойша, и в его голосе впервые за весь разговор появилось что-то мягкое.

Сарена подняла на него глаза. По её щекам текли слёзы, и она не пыталась их скрыть. Она не вытирала их. Она просто смотрела на внука, и в этом взгляде было всё, что она никогда не говорила вслух.

— Я должна была остановить Иосифа. Должна. Но не остановила. Моя гордыня и упрямство затмили мой разум. Мне стоило сказать, как сильно я люблю. Но этого уже не будет никогда. Смерть ставит всё на свои места.

Она выпрямилась. Слёзы высохли, но что-то в её лице изменилось. Что-то, что уже нельзя было вернуть назад.

— Ты вправе выбирать свой путь, Мойша. Не повторяй моей ошибки.

Мойша шагнул вперёд. Он не подошёл к ней близко. Он просто сократил расстояние между ними на один шаг, и этого было достаточно.

— Бабушка, тебе не нужно больше страдать. Я прощаю тебя.

Сарена закрыла глаза. Она не ответила. Она просто сидела, и её лицо было спокойным, впервые за долгие годы спокойным. Мойша развернулся и вышел из кабинета. Дверь закрылась за ним с глухим стуком, и Сарена осталась одна.

Прошло несколько минут, прежде чем она услышала шаги. Валдри Шляпник вошёл без стука, и в его руках был поднос с двумя бокалами вина. Он поставил поднос на стол, налил тёмно-красную жидкость в бокалы и подал один Сарене. Она приняла его, но не сделала ни глотка. Она просто смотрела на вино, и в её глазах отражалось пламя свечей.

— Сарена, — произнёс Валдри и сел напротив.

Она подняла на него глаза. В её взгляде не было прежней жёсткости. Только усталость, которая уже не имела ничего общего с силой.

— Всю жизнь я ищу, что мне захотеть и что мне нужно для полного счастья. Но всё не то. И я вечно недовольна. Потому что не нужно ничего искать. Пустота внутри уже заполнена. Я просто была слепа и не видела очевидного. Держись за тех, кто рядом.

Валдри смотрел на неё молча. Он держал свой бокал и не пил. Его лицо было спокойным, и в нём не было ни упрёка, ни сочувствия. Только понимание.

— Не вини себя. Ты делала что могла.

— Они были моими инструментами, — она произнесла

это медленно, и каждое слово падало тяжело. — Но, потеряв их, я поняла, как сильно их люблю.

Она поставила бокал на стол и выпрямилась в кресле. Её плечи снова развернулись, и в этом движении вернулась та самая Железная Леди, которую знали все. Но в её глазах осталось что-то новое. Что-то, что она уже не могла спрятать.

— Я должна разрешить старые обиды и покончить с этой враждой.

Валдри отпил вина и поставил бокал. Он смотрел на неё, и в его взгляде было что-то, чего он никогда не показывал никому. Что-то, что он прятал за годами верной службы и молчаливого подчинения.

— Моя госпожа. Даже отрубленная волчья голова может укусить.

Он помолчал. В тишине кабинета было слышно, как потрескивают свечи и как где-то в глубине дворца скрипит половица под чьими-то шагами.

— Быть человеком — это уже испытание. Может, остановиться сейчас, пока не поздно?

Сарена посмотрела на него. Она не ответила. Она просто смотрела, и в её глазах не было ни решимости, ни сомнения. Только тишина, которую невозможно было заполнить.

94. Слепой Пророк: дорога пепла.

Полдник придерживал Остина под руку, и они медленно шли через двор дома Эриана. Остин двигался осторожно, неуверенно, как человек, который заново учится ходить по знакомой земле. Далия стояла у крыльца, скрестив руки на груди, и смотрела на своего ученика.

На его пустые глазницы, залитые кровью, на белые волосы, прилипшие ко лбу, на то, как он держался за локоть Полдника, словно слепой ребёнок за руку матери. Она молчала. Молчание было тяжёлым, густым, как смола.

— Если бы Прасковья вышла замуж за Мойшу, началась бы война, — произнесла она наконец, ровно, без тепла и без осуждения. — Ты остановил войну людей и фей ценой жизни Соласа. Это большой успех, Проклятое Дитя.

Она подошла ближе. Её полупрозрачная фигура мерцала в утреннем свете, и тени под её глазами стали глубже, чем обычно.

— Ты изменил будущее. Ведуны не восстали. Главной опасностью стал ты.

Остин молчал. Он стоял, опустив голову, и кровь медленно стекала по его щекам, капала на воротник рубахи, оставляла тёмные пятна на пыльной земле. Он не знал, что ответить. Слова застревали в горле, как гвоздь, который вытаци-

ли слишком поздно, оставив рану, которая уже не заживёт.

— Цена твоих решений — это рябь на воде, — продолжала Далия. — Сегодня ты бросил камень, а завтра эти круги сойдутся на твоей шее.

Мария шагнула вперёд. Она подняла руки, и между её ладонями зажглось мягкое золотистое сияние, тёплое, живое, способное затянуть любую рану. Но Остин почувствовал это тепло и поднял руку, останавливая её.

— Не нужно. Я это заслужил.

Мария опустила ладони, и свет в её руках погас. Она смотрела на него, и в её ледяных глазах промелькнуло что-то, чего она не показывала никому.

— Почему ты себя не исцелишь? — спросил Леоморд, и в его тоне звучала не жалость, а тревога воина, который видит, как товарищ отказывается от оружия перед боем.

Остин повернул лицо к нему, и пустые глазницы, залитые кровью, смотрели в никуда и одновременно в самую суть.

— Я должен нести это увечье. Мой грех — это Гнев.

Он раскинул руки, и его тело медленно оторвалось от земли. Он воспарил над двором, и воздух вокруг него задрожал, наполнился тяжестью, которая давила на плечи и сжимала грудь. Раздался звук приближающегося рока.

— Мой мир — небеса!

С неба, из ниоткуда, сорвалась чёрная молния. Она ударила по земле, и там, где она коснулась, остался выжженный круг, а трава и камень обратились в прах, который медленно

осел на плечи стоящих рядом.

— Гнев и обида питают мою силу, — произнёс он, и слова звучали глухо, отстранённо, словно шли из глубины колодца.

Адель смотрел на него, и в его жёлтых глазах разгорался интерес, который он не скрывал.

— Новый навык? — спросил он, и в его тоне была не насмешка, а узнавание. — Грехи питают самые сильные навыки. Как и моя любовь питает мой. Я Светоносный. Отвергнутый небесами.

Мария шагнула ближе. Она смотрела на Остина, и в её взгляде была не жалость, а понимание, которое приходит только к тем, кто сам прошёл через огонь.

— Но, продолжая себя наказывать, ты проявляешь Уныние и Гордыню. Будь осторожен. Тебе не хватает смирения.

Леоморд кивнул, и его лицо стало жёстче, как будто он смотрел на карту, где обозначены враги, и один из этих врагов только что появился перед ним.

— Остин познал суть греха и открыл новые силы. Это первый шаг к падению.

В этот момент калитка скрипнула, и во двор вошла Илума Надин. Она двигалась тяжело, как человек, который несёт на себе груз, который уже нельзя снять. Её пальцы были покрыты мозолями, а лицо осунулось, и в нём не было прежней решимости.

— Что вам нужно, Спорительница Хлебов? — спросила Мария, и в её тоне прозвучало недоверие, которое она даже

не пыталась скрыть.

Илума остановилась в нескольких шагах. Она посмотрела на Остина, на его пустые глазницы, на кровь, которая уже подсохла на его щеках, и что-то в её лице дрогнуло.

— Вам больше нельзя оставаться в общине. Отправляйтесь в клан Молота. Север огромный. Там вы сможете найти новый путь.

Остин склонил голову, и его губы едва заметно шевельнулись.

— Путь к искуплению.

Мария подошла к нему. Она держала в руках чёрную ленту, длинную и широкую, и её пальцы двигались медленно, осторожно, как будто она боялась причинить боль. Она повязала ленту на глаза Остина, и чёрная ткань контрастировала с его белыми волосами и бледной кожей, как траурная полоса на белом мраморе.

Полдник принёс длинную палку из ясеня, гладкую, отполированную до блеска, и вложил её в руку Остина. Пальцы слепого сомкнулись на дереве, и он сжал его так, как сжимают надежду.

— Теперь ты действительно как пророк из легенды, — сказал Полдник, и в его тоне была не насмешка, а тихая горечь.

Адель смотрел на Остина, и в его глазах отражалось что-то древнее, что-то, что он видел тысячи раз, но каждый раз

это зрелище заставляло его замереть.

— Белый Старец, — прошептал он, и это имя прозвучало как приговор и как благословение одновременно.

Они вышли из Рудного. Дорога уходила на запад, за хребет Морозных Гор, туда, где не было ни городов, ни крепостей, ни людей, которые могли бы узнать в слепом пророке того, кто разрушил квартал Клана Света.

Остин шёл, опираясь на палку, и Полдник держался рядом, готовый подхватить его, если он споткнётся. Мария шла слева, и её веер лежал в кармане, закрытый, потому что здесь не было врагов, от которых нужно было защищаться. Леоморд замыкал шествие, и его рука лежала на эфесе меча, потому что он не умел ходить иначе.

— Я боюсь использовать силу, — сказал Остин, тихо, почти неслышно. — Я убил тысячи жителей.

— Но без неё ты обычный человек, — ответил Адель, и в его тоне не было утешения. Только факт.

— А с силой Пустоты я монстр.

— Монстром тебя сделали люди, — Адель произнёс это ровно, без злобы, как человек, который видел слишком много, чтобы удивляться.

Остин остановился. Он стоял посреди дороги, и чёрная лента на его глазах слабо шевелилась от ветра.

— Не вини себя, — продолжил Леоморд, и его тон стал тише. — Я знаю, что такое вина. Когда долг ведёт борьбу с твоей честью. Совесть удерживает нас от греха. Как и мой

Хранитель Клятвы удерживает меня.

По дороге на запад к ним вышли духовные звери. Тысячелетний олень с рогами, которые светились изнутри мягким голубым светом, и стая волков, чьи глаза горели янтарём.

Они остановились в нескольких шагах, и их взгляды были прикованы к Аделю. В них читалась жажда, которая не имела ничего общего с голодом. Это была жажда силы, истока, того, что питало их тысячи лет.

Олень шагнул вперёд. Он опустил голову, и его рога коснулись земли. Волки последовали за ним, и каждый из них прижался мордой к пыли, выражая покорность просителя, который пришёл не требовать, а умолять.

— Вы хотите испытать Исток моей силы, — произнёс Адель, и в его тоне не было вопроса. — Я дарю его вам.

Он поднял руку, и золотая аура разлилась вокруг него, тёплая и живая, как солнечный свет, который пробивается сквозь тучи после долгой грозы. Звери замерли, и по их телам пробежала дрожь. На мгновение их взгляды помутнели, а затем прояснились, и в них появилось что-то, чего не было раньше. Понимание. Благодарность. Свобода.

Олень поднял голову и снова поклонился, и в этом поклоне было больше, чем в любых словах.

— Спасибо, Светоносный Владыка. Наш дракон-хранитель ушёл.

Волки подхватили его слова, и их голоса звучали тихо, как шелест травы под ветром.

— А без него Озеро Солнечных Вод — это обычная вода. И мы не можем продолжить эволюцию.

Остин слушал их, и что-то внутри него сжалось в тугую комок. Он не видел этих зверей. Он не мог смотреть в их глаза. Но он слышал их голоса, и в этих голосах была боль, которую он причинил. Он изменил судьбу Соласа. Он разрушил будущее этих зверей. Он отнял у них то, что давало им жизнь.

— Простите меня, — прошептал он, и голос сорвался на хрип.

Адель кивнул зверям, и в его жесте не было ни снисхождения, ни жалости.

— А теперь идите в лес, дети природы. Пусть Галлеан и Силана хранят вас.

Олень и волки выпрямились. Они посмотрели на Аделя, потом на Остину, и в их взглядах не было ни укора, ни ненависти. Только принятие. Они развернулись и ушли в лес, и их шаги были бесшумны, как падающий снег.

— Благодарим за этот дар, о хранитель истока жизни и мироздания, — донеслось из чащи, и слова зверей растворились в шелесте листьев и пении птиц.

Адель смотрел им вслед, и его лицо было спокойным. Он знал, что они вернутся. Не к нему. К жизни. Потому что жизнь всегда находит путь, даже когда кажется, что всё потеряно.

Пройдя ещё немного, Леоморд остановился и поднял ру-

ку. Дорога вывела их к поляне, окружённой старыми елями и валунами, поросшими мхом. Камни лежали кольцом, и в центре этого кольца было ровное место, утоптанное и чистое, как будто кто-то уже останавливался здесь. Ветер стих, и лес замер, прислушиваясь.

— Разобьём лагерь здесь и отдохнём, — сказал он, и в его тоне не было усталости, только холодная необходимость.

Адель молча кивнул. Он не смотрел на поляну, его взгляд скользил по деревьям, по теням между стволами, по небу, которое темнело на глазах.

Мария и Полдник отвели Остина к упавшему дереву, ствол которого был покрыт мхом и лишайником. Они усадили его на бревно, и он сел, опираясь на палку, которую держал обеими руками. Чёрная лента на его глазах слегка шевелилась от ветра, и в этом движении было что-то, что заставляло сердце сжиматься.

— Подожди, я сейчас приготовлю ужин, — сказал Полдник, бодро, почти весело, как будто они просто вышли на пикник, а не бежали из города, который Остин разрушил.

Мария щёлкнула веером, и звук получился резким, как удар хлыста.

— Адель, Лео. Несите хворост.

Адель не ответил. Он просто повернулся и пошёл в лес, и его фигура растворилась в тенях. Леоморд двинулся следом, и его шаги были бесшумны, как у хищника на охоте.

Полдник тем временем выкладывал камни в круг. Он де-

лал это быстро и ловко, как человек, который делал это сотни раз. Камни ложились ровно, образуя очаг, и в центре он поставил рогатины из палок, на которые можно было подвесить котелок. Затем он достал из сумки котелок, большой и закопчённый, и повернулся к Марии.

— Я схожу за водой. Посиди пока с Остином.

— Хорошо.

Мария подождала, пока он уйдёт. Потом она достала из кармана платок, белый и мягкий, и присела на корточки перед Остином. Она вытерла его щёки, на которых уже подсохла кровь, и её движения были медленными, осторожными, как будто она боялась причинить ему боль.

— Тебе не больно?

— Всё в порядке, — ответил он, ровно, без эмоций. — Это лишь цена.

Мария ничего не сказала. Она просто сложила платок и убрала его обратно в карман. Потом она села рядом с ним на бревно, и её плечо почти касалось его плеча, но не касалось, потому что она не знала, можно ли ему сейчас прикосновение.

Адель и Леоморд вернулись быстро. Они не просто собирали хворост, они разламывали брёвна руками. Адель сжимал сухие стволы в кулаке, и дерево ломалось с треском, как соломинки.

Леоморд разрубал поленья аурой меча, и сталь вспыхива-

ла белым, и дерево разлеталось на ровные куски. Они принесли целую гору дров, и Полдник, вернувшийся с водой, посмотрел на эту гору и покачал головой.

— Вы уверены, что нам нужно столько?

— На всю ночь хватит, — ответил Леоморд, и в его тоне была та же маленькая усмешка, которой он подтрунивал над Полдником. — Солнечный Мальчик.

Полдник поставил котелок на огонь и повернулся к рыцарю. Он показал язык, и в этом жесте было столько детской непосредственности, что даже Мария улыбнулась.

За спиной Леоморда появилась Далия. Она вышла из тени деревьев бесшумно, как призрак, и её полупрозрачная фигура мерцала в свете разгорающегося костра.

— Опять дразнишь ребёнка, рыцарь, — произнесла она и взяла его за ухо.

Леоморд поморщился, но не отстранился. Он стоял смирно, как нашкодивший мальчишка, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на смущение.

— Лучше займись делом, пока я тебе не наподдала.

— Хорошо, хорошо. Я понял.

Мария искренне улыбнулась. Она смотрела на эту сцену, и в её глазах было что-то, что она давно не показывала. Тепло. Настоящее. Не то, которое она надевала, как маску.

— Он стал таким послушным.

Полдник подошёл к ведьме и обнял её за плечи. Он прижался к ней, как ребёнок прижимается к матери, и в этом

движении не было ни капли иронии.

— Мама!

— Какая я тебе мама! — она оттолкнула его, но не грубо, а с той ворчливой нежностью, которая бывает только у тех, кто действительно любит. — Начинай готовить.

Адель хмыкнул в кулак. Он смотрел на них, и в его жёлтых глазах было что-то, что он не показывал никому. Он повернулся и пошёл к Леоморду, который уже стоял готовый к тренировке.

— Идём, рыцарь. Покажем этим детям, как дерутся взрослые.

Леоморд усмехнулся, и в его ухмылке была не насмешка, а предвкушение.

— После того, как я закончу с тобой, ты будешь называть меня господином.

— Мечтай.

Они начали бой, и звук их ударов разносился по поляне, глухой и тяжёлый, как удары сердца в тишине.

Далия достала из сумки бутылку молока и налила в котелок. Затем она добавила картофель, который почистила быстро и ловко, и репу, которую нарезала крупными кусками. В конце она добавила зелень и лук, и всё это сдобрила маслом и приправами, которые достала из маленьких узелков, завёрнутых в тряпицы.

— Это Деревенская Лянка, — произнесла она, и в её тоне была та самая гордость, которая приходит, когда человек де-

лает что-то по-настоящему традиционное. — Как её готовят в традициях Севера. Но только её нужно томить всю ночь, а у нас вариант от костра.

Полдник подошёл и заглянул в котелок. Он вдохнул пар, который поднимался над варевом, и его глаза загорелись.

— Пахнет как в детстве.

— Это потому, что отец готовил её для тебя, — ответила Далия, и в её тоне была не грусть, а скорее принятие того, что было и что уже не вернётся.

Ужин был готов. Они сели у костра, и пламя бросало тёплые отсветы на их лица. Все улыбались, и на мгновение тень отступила. Только на мгновение, но этого было достаточно.

Мария с печалью смотрела на Остина. Она взяла ложку, зачерпнула варево, подула на него, чтобы оно не обожгло, и поднесла к его губам.

— Ешь, не торопись.

Он открыл рот и проглотил, и его лицо не изменилось. Он не чувствовал вкуса. Он не чувствовал ничего. Мария вытерла его губы салфеткой, и в этом движении было столько боли, что Адель, который смотрел на них, отвёл глаза.

После ужина Полдник и Лео начали свою потасовку. Они катались в траве, как два ребёнка, и их смех разносился по поляне, и в этом смехе не было ни забот, ни тревог. Только жизнь.

Демон хохотал, и его смех был низким и раскатистым, как гром вдалеке. Ведьма разнимала их, как нашкодивших ко-

тят, и её ворчание было тёплым и настоящим.

— Прекратите! Вы разбудите весь лес!

— Мы не шумим! — ответил Полдник, и в его тоне было столько возмущения, что даже Остин, который сидел с пустыми глазницами, слегка повернул голову в его сторону.

— Ты шумишь громче всех! — Леоморд схватил его за ногу и повалил на землю.

— Это ты шумишь! — Полдник вывернулся и сел ему на спину.

Адель смотрел на них, и его улыбка была широкой и искренней. Он не участвовал. Он просто наблюдал. Как смотрят на то, что дорого. Он тот, кто потерял небо и теперь смотрит на тех, у кого ещё есть земля.

Мария кормила Остина, и её руки не дрожали. Она не плакала. Она просто делала то, что должна была делать. Потому что он был слеп. Потому что он не мог сам. Потому что она любила его. Не так, как любят мужчину. А так, как любят того, кто стал частью тебя. Того, кого нельзя отпускать. Они всё — её новая семья.

Огонь трещал, и искры взлетали в небо, и на мгновение казалось, что мир снова стал целым. Но это было только на мгновение. А потом Мария снова посмотрела на чёрную ленту на глазах Остина, и её сердце сжалось, потому что она знала, что этот мир уже никогда не будет прежним.

95. Матка на скотобойне.

Мойша отправился в Парящую Крепость к Коту Баюну. Он поднялся через портал и прошёл по знакомым коридорам библиотеки Велеса, мимо статуй древних хранителей, чьи пустые глазницы провожали его взглядами. На балконе, где всегда пахло старой бумагой и воском, Кот Баюн играл в шахматы с мастером Витааром. Фигуры из обсидиана и лунного камня тихо стучали по доске, и этот звук разносился в тишине, как удары сердца.

— Ты пришёл за ответом, дитя? — Кот Баюн не поднял головы от доски. Его жёлтые глаза были прикованы к фигурам, но Мойша чувствовал, что он видит его насквозь.

— Вы знали о силе Остина? — спросил Мойша, и его голос прозвучал ровно, без дрожи. Он больше не боялся задавать вопросы.

Кот Баюн передвинул ферзя и поднял на него взгляд. В этом взгляде была вечность, которую невозможно измерить годами.

— Да. Он мог стать Хранителем. Но Сарена и Крольм обрательили его силу против жителей города. Они видели в нём угрозу, вместо того чтобы увидеть дар.

— Мне нужна помощь.

Мастер Витаар повернулся к нему. Его лицо было уста-

лым, но в глазах горел тот самый огонь, который зажигается, когда человек принимает решение, которого боялся годами.

— Ты должен сделать это сам.

— Но что мне делать?

Кот Баюн откинулся на спинку кресла и сложил лапы на животе. Его хвост медленно покачивался, отбрасывая на пол длинную тень.

— Стань Хранителем Севера. Твоя бабка не смогла. Твой долг исправить ошибки клана.

Мойша кивнул. В его глазах мелькнуло понимание, которое приходит, когда все куски головоломки наконец складываются в единую картину.

— Хорошо.

Мастер Витаар поднялся со скамьи и подошёл к нему. Его шаги были твёрдыми, как у человека, который больше не намерен отступить.

— Я созову совет и выдвину твою кандидатуру на пост нового правителя. Старейшины поддержат тебя. Но для начала ты должен пройти испытание.

— Какое?

— Собери союзников и реши проблему с кланом Света. Ты должен убить чудовище. Жреца крови Огастеса.

Мойша сжал кулаки. Он помнил это имя. Помнил, кто отдал приказ пытать Остина. Кто заплатил мяснику. Кто хотел уничтожить медиума, потому что боялся его силы.

— Хорошо. Я понял.

— Твои товарищи ждут тебя на площади.

— И помни, — Кот Баюн поднял лапу и погрозил ему, как учитель грозит нерадивому ученику. — Главное в группе — баланс.

Юноша кивнул и покинул балкон библиотеки. Его шаги были уверенными, и в них не было той неуклюжести, которая выдавала в нём мальчика, ещё недавно боявшегося собственной тени.

Витаар обратился к коту, и его голос стал тише, как будто он боялся, что стены услышат его слова.

— Старики боятся перемен больше, чем смерти. Но эти дети — эсперы. Они способны в одиночку уничтожать целые армии.

— Пора сменить власть и скинуть алчных стариков, — Кот Баюн снова посмотрел на доску и передвинул ладью. — Пусть молодое поколение ведёт Свидлун в будущее.

Мойша миновал центральный зал. Он прошёл мимо ИИ Макса, который стоял на ресепшене и приветствовал студентов дежурной фразой. Андроид посмотрел на него своими пиксельными глазами, и в них на мгновение вспыхнул синий свет, как будто машина хотела что-то сказать, но промолчала.

Выйдя наружу, Мойша осмотрелся. Солнце уже клонилось к закату, и его лучи золотили мраморные плиты площади. Его взгляд остановился на одинокой фигуре у колонны.

Дейдра стояла неподвижно, как статуя, и её чёрная ряса

сливалась с тенью. Рядом с ней топтались двое. Земфира, с растрёпанными волосами и кожей, покрытой мелкими шрамами от молний, и Рабадон, чья рыжая шевелюра горела на солнце, как факел.

Мойша подошёл к ним. Он не стал тратить время на приветствия.

— Земфира. Рабадон. Нужно убить чудовище.

— Мы знаем, — Дейдра повернула голову к нему, и её серые глаза, лишённые эмоций, посмотрели прямо на него. — Кот нам уже рассказал, что ты придёшь.

Рабадон вскочил со скамьи, на которой сидел, и хлопнул в ладоши. Его глаза горели азартом, который всегда появлялся у него перед дракой.

— Тогда придерживаемся боевой тактики. У нас есть жрец с контролем. Это Дейдра. Ты, Мойша, танк. И мы с Земфирой — атака. Придерживаемся такого плана: мы баффаем тебя щитами и аурой, а ты нас прикрываешь. Сестра Крипты раздаёт контроль.

Он быстро достал из кармана потрёпанную тетрадь и начал чертить схему сражения, тыкая в неё пальцем и что-то бормоча себе под нос. Земфира закатила глаза и скрестила руки на груди.

— И ещё, — Рабадон задрал подбородок и посмотрел на них с видом победителя, — у меня есть голем.

— Ты забыл сказать «я величайший маг в мире», — фырк-

нула Земфира, и её губы дрогнули в усмешке.

— Да! Именно так! — Рабадон просиял, как ребёнок, которого похвалили.

Дейдра почти механически добавила, и её голос прозвучал ровно, без интонаций:

— У меня есть амулет Призрачный Страж. Она показала крест Мары, висевший у неё на шее. — Он не даст мне умереть. Я всё время буду воскресать.

Геомант почесал голову и посмотрел на крест с плохо скрываемой завистью.

— А можно и нам такие раздать?

— Нет. Это благословение богини смерти. Только Сёстры Крипты могут призвать его силу. В других руках — это обычный амулет.

Земфира встала и пошла к portalу. Её шаги были быстрыми, и в них чувствовалась та решимость, которая приходит, когда человек устал ждать.

— Идём. Нас ждёт испытание.

Они спустились через портал Парящей Крепости и отправились в клан Света через трущобы. Воздух здесь был густым от вони, которая поднималась от сточных канав и гниющих отбросов. Вдалеке виднелся разрушенный квартал, и скотобойня, из которой Мойша спас Остина. Её стены были покрыты копотью, а окна зияли пустыми глазницами.

Дейдра остановилась. Она подняла голову и втянула воздух, как зверь, почуявший добычу.

— Я чую смерть.

Подростки напряглись. Рабадон положил руку на посох, Земфира сжала кулаки, и между её пальцами заплясали искры.

— Но там есть и жизнь, — продолжила Дейдра, и её голос стал глуше. — Много жизней.

Рабадон призвал голема.

— Призыв. Обитатель Недр.

Земля под ногами задрожала, и из трещин, которые разошлись по каменным плитам, поднялся Обитатель Недр. Лавовый гигант возвышался над ними, и его поверхность мерцала оранжевыми прожилками, как застывшая магма.

— Это же призванный фамильяр, — удивился Мойша, глядя на голема с смесью восхищения и настороженности.

— Так у меня тоже есть, — Земфира вскинула руку, и над её ладонью вспыхнул шар молний. Он трещал и мерцал, оставляя в воздухе запах озона. — Глаз бури.

Обитатель Недр посмотрел на сестру Крипты. Его глаза-фонари вспыхнули ярче, и в них появилось что-то, что трудно было назвать эмоцией.

— Для многих духов ты выглядишь весьма устрашающе. Смерть.

— Я хранитель, — Дейдра посмотрела на голема, и в её взгляде не было ни страха, ни вызова. — Смерть лишь дар, как и бессмертие, древнейший.

— Но я ничего не вижу, — удивился Мойша, оглядываясь

по сторонам.

— Ха, конечно, не видишь! — голем возмущённо заворчал, и его голос прозвучал, как камнепад в ущелье. — Ты не маг! Не стой столбом, пошли внутрь.

Вокруг валялись разорванные тела. Их в прошлый раз убил Мойша, когда спасал Остина. Он узнал некоторых. Стражников у входа. Дружинников клана. Их лица застыли в предсмертных гримасах, и кровь уже высохла, покрыв камень тёмной коркой.

Они миновали пыточную. Мойша не стал смотреть на стол, к которому был прикован Остин. Он просто прошёл мимо, и его лицо не дрогнуло. Раздвинув мутную штору, они увидели правду, которая открылась за ней.

На крюках висели тела. Тела людей, оборотней и фей. Они покачивались от сквозняка, и их тени плясали на стенах, как призраки, которые ещё не поняли, что умерли.

Зайдя в помещение, они услышали гудение за серой шторой, что шла вдоль коридорчика. Мойша отодвинул ткань и увидел огромный аквариум. В нём копошились миллионы личинок. Белые, слепые, они извивались в мутной жидкости, и от этого зрелища по спине Мойши пробежал холодок.

— тела фей используют для кормления личинок более питательным кормом. Феи состоят из магии и это положительно влияет на рост и силу червей — выдала информацию Дейдра.

Пройдя дальше, он повернул направо и отодвинул ещё од-

ну штору. За ней были разделочные столы и ванны с человеческими телами. Рабадона чуть не стошнило. Он схватился за стену и согнулся, пытаясь удержать содержимое желудка.

— Что это за мерзость? — выдохнул он, когда смог говорить.

Сотни мужчин и женщин лежали убитыми и ожидали своей разделки. Руки, ноги, выпотрошенные торсы. Всё это было сложено в кучи, как дрова.

— Личинки подрастали, питаюсь останками, а после их подсаживали в живые человеческие тела.

— Человек становился носителем, а личинка контролировала его мозг. Она закреплялась на позвоночнике, соединяясь с нервными окончаниями спинного мозга, и выпускала в кровь особое вещество, которое делало носителя сильнее.

Земфира смотрела на аквариум, и её лицо побледнело. Она вспомнила свой неудачный день. Тот день, когда на неё напали двое мужчин с червями. Взрослые особи. Она убила их тогда, но не поняла, откуда они взялись.

— Я уже видела таких червей, — произнесла она, и её голос дрогнул. — Только взрослых.

— С помощью нехитрой манипуляции можно создать армию таких марионеток, — Рабадон выпрямился и вытер рот тыльной стороной ладони. — Но кто кукловод?

— И самое важное, — добавила Дейдра, и её голос снова стал ровным, механическим, — удалить червя из носителя достаточно проблематично. Носитель скорее всего умрёт.

Червь либо его отравит, либо он просто не переживёт такой операции.

Она помолчала, глядя на аквариум, и в её глазах что-то мелькнуло. Что-то, что она прятала за маской безразличия.

— На этих марионеток не работают навыки контроля. Они и так находятся под контролем. Они не чувствуют боли. Черви блокируют ощущения, чтобы носитель лучше сражался. Отсутствие страха и боли делает мясную куклу грозным противником. Но в этом и слабость. Они не могут мыслить стратегически, опираясь лишь на количество и силу.

Мойша смотрел на это, и внутри него поднималась волна, которую он не мог остановить. Гнев. Не тот гнев, который питал силу. Другой. Холодный. Расчётливый. Тот, который заставляет человека принимать решения.

— Огастес, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо, как приговор. — Это его работа. Он создаёт армию. Он готовит войну.

— Тогда не будем медлить, — Земфира развернулась и пошла к выходу. — Найдём его и закончим это.

Они вышли из скотобойни, оставив позади запах смерти и гниющей плоти. Впереди был клан Света, и где-то в его глубине ждал жрец крови, который создал этот кошмар. Мойша шёл первым. Он больше не прятался. Он шёл, чтобы убить чудовище. И остановить войну, которую оно готовило.

Пройдя к храмовой площади, они заметили, что вокруг никого не было. Ни торговцев, ни зевак, ни стражников.

Только ветер гонял по камням пыль и обрывки старых листовок, прилипших к стенам. Тишина стояла такая, что слышно было, как где-то вдалеке капает вода из сломанного желоба.

— Почему так тихо? — Мойша замедлил шаг и огляделся.

— Нас ждали, — Земфира выбросила руку вперёд, и вокруг неё вспыхнул купол голубоватой энергии. — Энергетический щит.

Рабадон ударил посохом о землю, и от его ног разошлась волна огня, которая обвила группу кольцом.

— Щит пламени.

Дейдра не стала тратить силы на защиту. Она просто вытащила косу из-за спины, и лезвие тускло блеснуло в свете уходящего солнца. Её лицо оставалось неподвижным, как маска.

Их окружали войска клана Света. Солдаты выходили из переулков, из-за колонн храма, с крыш домов. Их было много. Слишком много для обычного патруля. В первых рядах стояли жрецы крови в багровых мантиях, и их руки были скрыты в широких рукавах.

Огастес вышел вперёд. Старик с лицом, похожим на печёное яблоко, и глазами, которые не отражали ничего, кроме холодного расчёта. Рядом с ним шли двое жрецов, и в их движениях была та самая механическая точность, которая выдаёт марионеток.

— Схватите их, — приказал Огастес. Голос прозвучал ровно, без эмоций. Как приказ, который он отдавал сотни

раз.

Группа приготовилась к битве. Мойша укрепил тело, и его вены вздулись канатами, а мышцы затвердели сталью. Рабадон вознёс посох Вечности, и его глаза загорелись оранжевым огнём. Земфира подняла руку, и её глаза засветились белым, а между пальцами заплясали искры.

Но что-то пошло не так.

Жрецы крови вскинули руки. Их пальцы скрючились, как когти, и из-под мантий потянулись тонкие чёрные нити. Они впились в тела группы, и там, где они касались кожи, та лопалась, обнажая плоть. Кровь потекла струйками, и мышцы начали сокращаться сами, против воли.

— Идиоты, — Огастес улыбнулся, и в его улыбке не было ничего человеческого. — Вы станете новыми куклами для моих деток.

Мойша попытался шагнуть вперёд, но тело не слушалось. Ноги двигались, как чужие, и он застыл на месте, пытаясь удержать контроль. Рабадон закричал, и его руки вывернулись под неестественным углом. Земфира упала на колени, и из её рта потекла кровь.

И тогда Дейдра двинулась.

Она вознесла косу, и лезвие вспыхнуло синим. Она понеслась сквозь солдат, и её движение было быстрым, почти невидимым. Коса рассекала тела, и там, где она касалась, плоть распадалась, а из обрубков тянулись чёрные нити, которые Дейдра перерубала одним движением. Солдаты пада-

ли, и их тела обращались в прах.

Обитатель Недр, голем Рабадона, вырвался из-под земли и швырнул огненный шар в магов крови. Они отскочили, но один не успел, и пламя поглотило его мантию. Он закричал, и из его рта вырвался чёрный дым, а затем тело рассыпалось.

Огастес удивился. Он посмотрел на Дейдру, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Почему магия на вас не действует?

Дейдра не ответила. Она подлетела к жрецу крови, который стоял ближе всех, и снесла ему голову одним ударом. Из туловища вытянулась двухметровая кишка, покрытая слизью. Она извивалась на земле, как змея, и Дейдра с отвращением разрубила её. Червь продолжал дёргаться, и она добила его ударом ноги.

Голем схватил за головы двух магов крови и вдавил их в каменные плиты. Раздался хруст, и под его ладонями остались только мокрые пятна. Сестра Крипты нанесла ещё один удар и разрубила ещё жреца. Его внутренности вместе с червём выпали наружу, и червь попытался уползти, но она пригвоздила его косой к земле.

Земфира освободилась. Чёрные нити, которые держали её, лопнули, и она вскочила на ноги. Её глаза горели белым, и вокруг неё закружился вихрь.

— Грозовой шквал!

Молнии сорвались с неба и ударили в солдат. Те, кто не успел отскочить, обратились в обугленные фигуры. Она

вскинула руку и выкрикнула:

— Заморозка!

Солдаты превратились в ледяные статуи. Их лица застыли в предсмертных гримасах, и ветер свистел между их окочевшими пальцами.

Геомант применил навык. Он поднял посох, и над площадью появился огромный шар лавы. Он рухнул вниз, и там, где он коснулся земли, всё обратилось в пепел.

— Армагеддон!

Марионетки Огастеса сгорели. Их тела лопнули, и черви, которые были внутри, сгорели вместе с ними. Площадь покрылась слоем пепла, и в воздухе повис запах жжёной плоти.

Группа направилась к Огастесу.

— Ты проиграл, — Мойша сжал кулаки. — Твоя армия мертва.

Огастес засмеялся. Смех был хриплым, как скрежет металла о камень.

— Ха-ха. Всё только начинается.

Его тело стало меняться. Мантия лопнула, и из-под неё вывалилась огромная туша. Она росла, набухала, и вскоре перед ними стояло нечто десятиметровое. Матка с щупальцами и серой кожей. Из её тела торчали отростки, которые извивались, как змеи, и на концах этих отростков были присоски, покрытые слизью.

— Отойдите, — скомандовала Земфира.

Она вскинула руки, и над площадью появилась туча.

Дождь хлынул вниз, и капли застучали по камням.

— Я придумал снег с дождями.

— Молния!

— Заморозка!

— Шар лавы!

Они обрушили на матку всё, что у них было. Молнии били в её тело, лёд сковывал щупальца, лава прожигала кожу. Но чудовище прикрылось щупальцами, и там, где они отваливались, отрастали новые.

— Чудовище!

— Его нужно убить раньше, чем он регенерирует, — Дейдра смотрела на матку, и в её глазах не было страха. Только расчёт.

Матка взмахнула щупальцем и схватила Рабадона. Он закричал, и его посох выпал из рук. Обитатель Недр тут же оторвал щупальце и подхватил геоманта на руки.

— Спасибо, голем!

Матка нанесла удар, как стволом дерева, и разрушила плитку на площади. Камни разлетелись, и один из них ударил Мойшу в плечо. Он покачнулся, но устоял. Затем он поймал щупальце, которое тянулось к Земфире, и оторвал его голыми руками.

— Мерзкий отросток!

Щупальце продолжало извиваться и пытаться схватить его. Мойша швырнул его на землю и раздавил сапогом. Так они начали поочерёдно избавлять Огастеса от щупалец. Дей-

дра рубила их косой, Земфира замораживала, Рабадон сжигал, а Мойша отрывал руками.

Дейдра обратилась ко всем:

— Я готова нанести финальный удар.

— Хорошо, — кивнул Рабадон.

Они встали рядом с каменным големом и начали общий каст.

— Лавовый разлом!

Земфира вскинула руки:

— Заморозка! Удар молнии!

Мойша прыгнул. Он пробил череп огромной матки кулаком, и его рука вошла в плоть по локоть. Матка заревела, но не упала.

И тогда Сестра Крипты произнесла:

— Губительное касание.

С её указательного пальца сорвался зелёный огонёк и полетел к монстру. Он коснулся серой кожи, и там, где он коснулся, плоть начала чернеть и отслаиваться. Матка жалобно зарычала, но через секунду её тело обмякло. Она рухнула на площадь, и земля задрожала.

— Мы победили? — спросил Рабадон, вытирая пот со лба.

— Да, — Дейдра опустила косу.

— Но мы разрушили храм и площадь.

— Осталось только разбить аквариум и сжечь его потомство, — Мойша посмотрел на скотобойню, которая видне-

лась вдалеке.

— В любом случае Огастес — это уже не человек, — Земфира сплюнула на землю.

— Идёмте.

Они вернулись к скотобойне, но не стали туда заходить. Рабадон вознёс посох и применил навык.

— Лавовый разлом.

Здание медленно погружалось и тонуло в жидкой лаве. Огонь пожирал стены, и вскоре от скотобойни осталась только дымящаяся яма. Но они не знали, что многим червям удалось уцелеть. Они спаслись через канализацию, и сейчас личинки расползались по подземным ходам города.

— Теперь осталось доложить в храм Старшей Вдове Матроне, — Дейдра убрала косу за спину. — Есть и другие одержимые эсперы. Она найдёт способ снять контроль.

Рабадон и Земфира пошли с докладом к Коту Баюну. А Мойша и Дейдра направились в клан Тьмы. Солнце уже село, и город погрузился в сумерки. Где-то вдалеке выли собаки, и ветер нёс запах гари.

96. Кровь Мары.

Дейдра и Мойша миновали школу эсперов и шли мимо клановых дворцов Таранис и Гундйй. Дворец Таранис возвышался над улицей белым дубом и серебром, а дворец Гундйй смотрел на город чёрным мрамором и Звездой Смерти.

Они проходили по тёмным улочкам клана Тьмы, где город казался мёртвым. Но всё же он был живым. В окнах горели тусклые огни, из труб поднимался дым, и где-то в глубине переулков слышались тихие голоса.

— Странно, — Мойша повернулся к Дейдре и нарушил тишину. — В клане Тьмы нет такого ужаса, как в клане Света.

— Зло не прячется в тенях. Оно является при свете, — ответила она, не сбавляя шага.

— О чём ты, Дейдра?

— Огастес, Сарена, Крольм. Они в первую очередь люди. Монстров с когтями или щупальцами легко победить. Но как ты одолеешь канцлера или главу церкви?

Юноша не нашёл что сказать. Он просто промолчал. Он знал, что его бабушка была его личным чудовищем. Он вырос в её тени, и эта тень была длиннее, чем он мог себе признать.

Они пересекли улочку с общежитиями. Здесь пахло сы-

ростью и старой штукатуркой. Кто-то готовил еду, и запах жареного лука смешивался с запахом мокрого камня. Мойша шёл, опустив голову, и его мысли были далеко.

Дейдра не мешала ему думать. Она просто шла рядом, и её присутствие было спокойным, аура духовного наставника.

Они вышли к храму Мары. Тёмный гранит, покрытый резьбой, уходил в небо, и шпили терялись в сумерках. Вокруг храма стояли могильные плиты, прижатые друг к другу, и надписи на них стёрлись от времени. Воздух здесь был густым от запаха ладана и земли.

Жрица скомандовала:

— Следуй за мной.

Они вошли в боковое помещение, где сёстры Крипты обрабатывали тела умерших. Мойша остановился на пороге. Он никогда не видел этого раньше.

Женщины в чёрных одеяниях склонились над каменными столами, и их руки двигались медленно, осторожно, как будто они боялись причинить боль тем, кто уже не мог её чувствовать. Они обмывали тела, закрывали глаза, складывали руки на груди. В воздухе висел запах трав и воска, и этот запах перебивал запах смерти.

— Что они делают? — тихо спросил Мойша.

— Готовят души к переходу, — ответила Дейдра, и в её голосе не было ни тепла, ни холода. Только знание. — Каждое тело — это сосуд. Мы не даём ему сгнить. Мы возвращаем его земле чистым.

Мойша смотрел на руки сестёр. Они не дрожали. Они делали свою работу так, как делали её сотни раз. Он подумал о том, что эти женщины видят смерть каждый день. И не боятся её. Он не мог понять этого. Но он чувствовал, что здесь, в этом храме, смерть была не врагом, а частью жизни.

Пройдя в большой зал, где находилось святилище, они увидели алтарь. Он был сложен из чёрного камня, и на его поверхности горели свечи. Их пламя было ровным и тихим, и в этом пламени отражались лица тех, кто стоял перед алтарём.

Там стояла Матрона. Высокая, сухая, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу. Её лицо напоминало древнюю надгробную плиту, и в её глазах была та самая глубина, которая приходит только к тем, кто видел слишком много смертей.

— Настоятельница, — сестра Крипты поклонилась.

Юноша также согнулся в уважительном поклоне. Он не знал, как вести себя здесь. Во дворце его учили этикету, но этот этикет был для живых. Здесь были мёртвые. И правила были другими.

Старшая Вдова пронзила его взглядом. Она смотрела на него так, как смотрят на человека, который ещё не понимает, кто он. Но который скоро поймёт.

— Семь дорог ведут к одному городу, где никто не помнит своих имён. Это город, построенный из сделок, где каждый кирпич — чужая совесть.

Мойша не поднимал головы. Он чувствовал, как слова старой монахини проникают в душу. Они не были угрозой. Они были правдой. И эта правда была тяжелее любого удара.

— Вижу, ты вышел из-под влияния греха, — продолжила Матрона, и в её голосе не было одобрения. Только констатация факта.

— Горе тому, кто думает, что может владеть алчностью. Алчность сперва даёт ключи, а потом запирает двери. И хозяин дома становится пленником собственных грехов.

— Вы знаете о Сарене? — Мойша поднял глаза. Он не мог не спросить.

— Да. И про Огастеса. Души умерших рассказали мне. Тысячи душ пришли в этот храм в одно мгновение. Падение Остина — её вина. Он истинный хранитель. Но не Крольм и не она.

Мойша опустил взгляд. Он знал, что это правда. Он знал, что Остин не должен был стать тем, кем стал. Но он стал. И в этом была вина не только Сарены и Крольма. В этом была вина всех, кто смотрел и не видел. Всех, кто молчал. И его тоже.

— Настоятельница, нам нужен способ освободить разум от влияния червя, — сказала Дейдра ровно, как всегда.

Матрона посмотрела на неё. Долго. Затем кивнула.

— Способ есть. Но есть и цена. Следуйте за мной в Святилище Крови.

Они вышли в сад за храмом. Могильные плиты тянулись

рядами, и между ними росли тонкие стебли призрака-травы. Их листья слабо светились в темноте, и этот свет был похож на свет далёких звёзд.

Они прошли мимо плит и увидели строение. Оно было небольшим, сложенным из тёмного камня, и его стены были покрыты рунами, которые светились тусклым красным светом. Внутри стоял фонтан.

Из него лилась кровь, густая и тёмная, и она не сворачивалась, а стекала в чашу, которая никогда не переполнялась. На краю фонтана сидела девушка в готическом платье. Её глаза были красными, и они светились в темноте, как два уголька.

— Леди Лукреция, — монахиня поклонилась. — Им нужен ваш дар.

Лукреция медленно повернула голову. Она посмотрела на Мойшу, и в её взгляде было что-то, что заставило его замереть. Не страх. Не угроза. Интерес. Как будто она увидела что-то, чего не ожидала увидеть.

— Как избавить жертву от контроля червя? — спросила Дейдра.

— Богиня даёт, но забирает, — Лукреция улыбнулась, и в этой улыбке не было тепла. — Бессмертие в обмен на смерть. Есть лишь один способ принять дар и стать бессмертным.

Дейдра продолжила, и её голос прозвучал ровно, как заученный урок:

— В мёртвом теле червь не может жить. Если сосуд мёртв, он тоже умирает вместе с носителем.

— Именно, — Матрона кивнула. — Осталось освободить барона Вергилия и его рыцарей, пока их не забрала эта чума.

Вампирша вышла из святилища и посмотрела на луну. Она стояла в свете, и её кожа казалась ещё бледнее, чем была. Она вдохнула ночной воздух и улыбнулась.

— Ты права, Матрона. Но детям это не по зубам. Я справлюсь сама.

Она повернулась к Мойше. Её глаза на мгновение вспыхнули, и в них промелькнуло что-то, что он не смог расшифровать.

— А сейчас, Мойша, возвращайся в клан. Этим займутся Дети Мары.

Из храма стали появляться силуэты, похожие на тени. Вампиры двигались так быстро, что даже глаза эспера не могли уследить за ними. Они мелькали между могильными плитами, и их движения были бесшумны, как падающий снег.

Мойша никогда ещё не видел этих созданий. Он слышал о них. Но видеть их было совсем другое. Они были не монстрами. Они были воинами. И в них была та самая сила, которая не нуждалась в доказательствах.

Лукреция улыбнулась. Она смотрела на него, и в её улыбке было что-то, похожее на снисхождение.

— Иди, дитя.

Дейдра проводила Мойшу до центральной площади. Ночь была тихой, и только где-то вдалеке выли собаки. Они шли

молча, и Мойша чувствовал, что что-то изменилось. Он не знал, что именно. Но он чувствовал.

— Зачем ты провожаешь меня? Я же воин.

— Но я сильнее тебя, — на мгновение на её лице показалась лёгкая улыбка. Она была едва заметна, но она была.

— Пожалуй, ты права, — он усмехнулся. — Спасибо тебе.

Он обнял юную монахиню. Это было неловко. Он не привык обнимать кого-то. Но он сделал это. И она не отстранилась. В ответ она тоже обняла его, похлопав по плечам.

— Иди. Мы ещё увидимся на занятиях. А сейчас мне пора.

Они разошлись в разные стороны. Мойша пошёл к воротам клана Гундйай, а Дейдра растворилась в темноте улиц, как будто её никогда и не было. Юного наследника встречали стражники. Они изображали услужливый вид, но в их глазах было что-то новое. Что-то, чего не было раньше. Они знали, что будущее в его руках.

Наследник клана вошёл в распахнутые ворота. Ему вслед начали шушукаться постовые. Они думали, что он не слышит. Но слух эспера намного лучше человеческого.

— Он одолел канцлера.

— Да, я тоже слышал. Теперь он наш глава.

— Так что будьте с ним осторожны.

— К тому же старуха одной ногой в могиле.

— Тоже верно.

Мойша уловил все слова. Он не стал их отчитывать. Он

не стал опровергать. Он просто шёл вперёд, и его шаги были твёрдыми. Он знал, что эра Железной Леди прошла. И теперь начиналась его эра.

Тем временем Лукреция набрала в сосуд кровь Мары из источника. Кровь была густой и тёмной, она тяжело перекачивалась в стекле, и от неё исходил слабый запах железа и чего-то древнего, что не имело названия. Она собрала отряд из пяти вампиров. Они не разговаривали. Они просто стояли и ждали. Их глаза светились в темноте, и в них не было ни сомнения, ни страха. Только готовность.

Джованни, её племянник, стоял ближе всех. Он был молод для вампира, и в его движениях ещё оставалась та живость, которая с годами стирается. Он улыбнулся, когда Лукреция посмотрела на него.

— Ты уверена, что справимся впятером? — спросил он, и в его голосе была не тревога, а любопытство.

— Их немного, — ответила Лукреция, — И они не ждут нас.

Они двинулись к клану Света, мелькая тенями. Улицы были пусты, и только ветер гонял по мостовой обрывки бумаги и сухие листья. Разрушенный квартал остался позади, и они вошли в ту часть города, где ещё стояли дома, но жизнь уже покинула их. Ставни были закрыты, двери заперты, и в окнах не горело ни одного огня.

Логово рыцарей они нашли быстро. Зрение вампира видит как рентген. Каждый удар сердца, каждое сокращение

мышц, каждое движение крови по венам.

И червь в организме. Он был виден, как светящаяся нить, обвившая позвоночник носителя. Он пульсировал в такт сердцу, и от него исходило слабое свечение, которое было заметно только вампирам.

— Смотрите, — Лукреция указала рукой на тёмное здание. — Они двигаются как улитки.

Джованни прищурился, и его красные глаза сузились.

— Червь ограничивает их мобильность, — ответил он. — Носитель сильнее, но медленнее. Они не могут быстро реагировать.

— Да. Приступим.

Они мелькнули тенью вокруг здания. Барон Вергиль стоял у окна, и его рука лежала на эфесе меча. Но он не успел даже достать оружие. Лукреция появилась перед ним так быстро, что он не успел моргнуть.

Она схватила его за подбородок, и в её пальцах была та сила, которая не оставляла выбора. Она влила ему в рот кровь из источника. Барон дёрнулся, но было поздно. Другие рыцари были также обезврежены без труда. Вампиры двигались быстрее, чем черви могли отреагировать.

Их тела затряслись. Сначала это было похоже на судорогу, а затем на припадок. Они катались по полу, и их руки и ноги выворачивались под неестественными углами. Из рта потекла пена, смешанная с чёрной кровью.

Черви покидали носителей, вылезая через рот. Они бы-

ли длинными, белыми, слепыми, и они извивались, пытаясь уползти. Но, оказавшись на воздухе, они тут же погибали. Их тела ссыхались.

Глаза рыцарей вдруг прояснились. Барон Вергиль огляделся. Он посмотрел на свои руки, на пол, на лица своих людей. Затем он поднял взгляд на девушку с красными глазами.

— Я был в кошмаре, — произнёс он, и его голос дрожал. — Но не мог освободиться. Моё тело двигалось без меня. Я был заперт в собственном теле.

Он схватился за голову. Его пальцы впились в волосы, и он застонал.

— Боже. Сколько же я натворил зла. Я видел всё. Я чувствовал всё. Но не мог остановиться. Я убивал. Я не хотел. Но я убивал.

Он замолчал. Его плечи дрожали. Он закрыл лицо ладонями, и из-под его пальцев потекли слёзы.

Другие рыцари пришли в себя. Они сидели на полу, и в их глазах был тот же ужас, который не могли скрыть никакие слова. Один из них, молодой парень с разбитыми губами, посмотрел на Лукрецию.

— Миледи, вы освободили нас.

— Да, — ответила она, и в её голосе не было ни торжества, ни жалости. — Но это не свобода. Это сделка.

Барон Вергиль поднял голову. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что она не ожидала увидеть. Понимание. Он знал, что за всё платят. И он был готов платить.

— Что вы хотите?

— Барон Вергиль. Теперь вы и ваш отряд — рыцари смерти на службе у богини Мары. С этого момента даже смерть не разлучит нас.

Лукреция улыбнулась. Это была искренняя улыбка, и в ней не было ни насмешки, ни превосходства. Только принятие.

Барон Вергиль и все рыцари его ордена преклонили колени. Их движения были медленными, но не от слабости. От тяжести того, что они узнали.

— Мы клянёмся служить Детям Мары.

— Клятва скреплена печатью крови, — Лукреция провела ладонью над их головами, и от её пальцев отделились тонкие нити, которые коснулись их лбов. Там, где они коснулись, остались слабые красные отметины, которые медленно заживали, оставляя бледные шрамы.

— Теперь отправляемся в храм.

Джованни улыбнулся. Он смотрел на рыцарей, и в его глазах было что-то, что напоминало тепло.

— Добро пожаловать в нашу семью.

Лукреция его слегка одёрнула, и в её голосе прозвучала та самая строгость, которая приходит с опытом.

— Соблюдай приличия, племянник. Сначала церемония, а потом бал.

Джованни кивнул, но улыбка не сошла с его лица. Он посмотрел на барона, который всё ещё стоял на коленях, и про-

тянул ему руку.

— Вставайте, барон. Мёртвые не должны стоять на коленях перед живыми. Мы все равны перед Марой.

Барон Вергиль принял его руку и поднялся. Его ладонь была холодной, но в ней ещё оставалась та сила, которая не исчезает даже после смерти. Он посмотрел на своих рыцарей, и они поднялись вместе с ним. Они были бледны, и их глаза были красными, но в них больше не было пустоты. Только принятие.

Лукреция развернулась и пошла к выходу. Её отряд двинулся следом, и рыцари барона шли за ними. Они вышли на улицу, и ночной воздух ударил в лицо.

— В храм, — произнесла Лукреция, и её голос прозвучал как команда, которая не требует повторения.

Они двинулись через разрушенный город, мимо сожжённых домов и пустых улиц. Впереди был храм Мары, и там их ждала Матрона. А затем — церемония Вечного Стража. И бал во дворце вампиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.